

Он поблагодарил наставника Уцзюэ и, проводив его, собрался вернуться в комнату, чтобы продолжить чтение.

Однако, неожиданно обернувшись, Линь Яньхун остолбенел — пушистый комок на его столе исчез! Вместо него там сидел совершенно голый мальчик!

Это был не первый раз, когда Линь Яньхун видел наследника князя Юй в человеческом облике, но в прошлый раз тот хотя бы был укрыт монашеской рясой. На этот раз же на нём не было ни единой нитки.

К счастью, оба были мужчинами, да и мальчик был ещё совсем юн. Линь Яньхун отвёл взгляд от малыша, направился к своему сундуку, достал оттуда чистую одежду и вернулся к столу.

Ли Цзинчэн, хотя и недавно стал «человеком», уже знал о нормах приличия и стыде.

Он понимал, что быть голым перед другим человеком крайне неприлично и невежливо, поэтому свернулся на столе, опустив голову и не двигаясь.

Заметив приближение Линь Яньхуна, он не реагировал, словно не знал, что делать.

Хотя Линь Яньхун был зрел умом, его тело всё ещё принадлежало двенадцатилетнему мальчику, и он был ненамного старше Ли Цзинчэна.

Он протянул руку, накинул одежду на Ли Цзинчэна и затем шаг за шагом помог ему одеться.

Возможно, благодаря спокойному и уверенному отношению Линь Яньхуна, весь процесс прошёл без неловкости.

Его движения, сначала неуклюжие, постепенно становились всё более уверенными, словно он одевал собственного младшего брата, что вызывало у него улыбку.

Малыш, как оказалось, был не совсем неопытен и очень «сотрудничал» — когда дело дошло до штанов, он вдруг сам потянул их, повернулся и стал одеваться самостоятельно.

Линь Яньхун, увидев это, лишь усмехнулся — они оба мужчины, чего тут стесняться?

Когда Ли Цзинчэн оделся и спустился со стола, он, ещё не привыкший опираться на руки, чуть не упал, но Линь Яньхун вовремя его подхватил.

Линь Яньхун посмотрел на Ли Цзинчэна, который стоял, опустив голову и, видимо, о чём-то размышлял, а затем на свой стол, заваленный разбросанными бумагами и кистями. Внезапно он спросил:

— Ваше Высочество, хотите научиться читать и писать?

Ли Цзинчэн не кивнул, не покачал головой и не произнёс ни слова. Он просто стоял у стола, и его мысли было нетрудно угадать.

Линь Яньхун привёл стол в порядок, взял новый лист бумаги, натёр тушь и написал три иероглифа: Ли Цзинчэн.

— Ли Цзинчэн — это ваше имя... — Линь Яньхун подвёл его к столу, взял его руку и медленно, но тщательно вывел эти иероглифы ещё раз.

Наследник широко распахнул глаза, долго смотрел на три знака, а затем его взгляд медленно перешёл на руку Линь Яньхуна, которая держала его ладонь. Он почувствовал, как его щёки слегка покраснели.

Линь Яньхун был примерно одного роста с наследником князя Юй, но его мягкий характер и зрелость, выходящая за рамки его возраста, делали его визуально старше Ли Цзинчэна.

Держа правую руку Ли Цзинчэна и выводя иероглиф за иероглифом, Линь Яньхун вдруг ощутил себя старшим братом.

Это чувство было удивительным, вызвав в нём лёгкую радость, волнение и удовлетворение, отличное от того, что давал личный рост.

Он невольно подумал: «Не зря все любят быть учителями. Оказывается, научить ребёнка писать может приносить такое чувство удовлетворения».

Говоря о братских чувствах, нельзя не вспомнить Линь Яньсина.

В памяти Линь Яньхуна, как в прошлой жизни, так и в этой, он и Линь Яньсин никогда не были так близки.

В детстве он часто болел, страдая от головных болей и простуд, что, по сути, было лишь слабостью организма и не могло передаться другим.

Однако госпожа Чжэнь боялась, что Линь Яньхун передаст болезнь её собственному сыну, поэтому всячески изолировала их друг от друга.

Когда они выросли, между ними так и не сложились братские отношения, и они постепенно отдалились друг от друга.

Особенно после того, как Линь Яньсин прославился в городе Юньян своим стихотворением, он стал всё более высокомерным, считая себя выше своего болезненного старшего брата, который не мог учиться.

Поэтому не только не обращался к нему за советом, но даже при обычных встречах его приветствия были полны скрытого презрения.

Даже если Линь Яньхун не любил своего сводного брата, он не мог не признать, что тот был чрезвычайно талантлив в поэзии. Хотя его стиль был несколько неустойчивым и даже противоречивым, в целом он обладал большим талантом и вдохновением, что делало его недостижимым.

Он не считал, что старшие всегда знают больше, но как старший брат, полностью затмённый младшим, Линь Яньхун не мог не чувствовать подавленности.

В прошлой жизни он не смирился с этим, и хотя не мог покинуть резиденцию Линь для учёбы, никогда не опускал руки.

Теперь, отдыхая в горах, он учился и отдыхал одновременно, и его кругозор расширился. То, что раньше было непонятно, теперь решалось само собой.

Читая книги, слушая наставника Уцзюэ, отдыхая и обучая Ли Цзинчэна читать, писать и говорить... такая жизнь, даже в мыслях, казалась невероятно приятной.

Думая об этом, Линь Яньхун невольно улыбнулся, но это заметил Ли Цзинчэн, который только что сам написал иероглиф «Ли» и украдкой наблюдал за выражением лица Линь Яньхуна.

Обычно, увидев улыбку Линь Яньхуна, мальчик был бы счастлив. Но сейчас Ли Цзинчэн подумал, что Линь Яньхун смеётся над тем, как он коряво вывел иероглиф, и ему стало обидно.

Он хотел бросить кисть, выбежать из комнаты и больше никогда не общаться с тем, кто над ним смеётся, но в то же время ему почему-то было жаль, и он застыл, чувствуя себя одновременно смущённым и раздражённым.

Линь Яньхун, стоявший за ним, конечно, не заметил его переживаний, решив, что Ли Цзинчэн просто выучил иероглиф «Ли». Он ободрил его:

— Ты написал хорошо, — и снова взял его руку, помочь написать иероглиф «Цзин».

Закончив, он продолжил:

— Если сегодня выучишь двадцать иероглифов, это будет просто замечательно.

Услышав это, Ли Цзинчэн почувствовал, будто тучи рассеялись, и сердце наполнилось радостью. Он больше не хотел бросать кисть, покраснел до ушей и продолжил усердно практиковаться.

Когда наставник Уцзюэ пришёл в комнату Линь Яньхуна, он увидел стол, заваленный исписанными листами бумаги, а маленький волчонок лежал на столе, вода лапкой по бумаге.

Наставник Уцзюэ подошёл ближе и увидел, что иероглифы, сначала неумелые, постепенно становились всё более чёткими. Он сразу понял, что происходит, и с улыбкой спросил:

— Ваше Высочество сегодня учились писать?

Этот малыш уже много лет периодически жил в храме Хуайинь, особенно после того, как стал часто превращаться в человека. Наставник Уцзюэ не раз думал научить его читать и писать.

Но Ли Цзинчэн оставался в человеческом облике недолго, и, привыкший с рождения к играм, он каждый раз, выучив иероглиф, снова превращался в волчонка, и всё приходилось начинать заново.

Неожиданно, рядом с Линь Яньхуном он оказался послушным. Судя по всему, он только что очень усердно тренировался, и даже превратившись обратно в волчонка, продолжал «повторять пройденное».

Услышав голос наставника Уцзюэ, волчонок даже не повернул головы, лишь бросил взгляд, словно говоря: «Пожалуйста, не мешайте мне заниматься». Его серьёзное и строгое выражение выглядело особенно... особенно раздражающе!

Наставник Уцзюэ точно не забыл, как этот малыш однажды разорвал исписанный лист бумаги на мелкие клочки, которые разлетелись, как снежинки!

Линь Яньхун, который открыл дверь наставнику Уцзюэ и подошёл к столу, увидев, как волчонок сосредоточенно «учится», почувствовал удовлетворение:

— Ваше Высочество невероятно умны. Думаю, скоро вы сможете выучить иероглифы из «Трёхсот тысяч».

Услышав похвалу Линь Яньхуна, волчонок смущённо пошевелил головой, а затем снова сосредоточился на «учёбе».

Наставник Уцзюэ, услышав гордость в голосе Линь Яньхуна, понял, что они оба наслаждаются процессом — один учит, а другой учится. Он перестал думать о прошлых «трудностях» и даже почувствовал облегчение, наконец передав «маленькую обузу» кому-то другому.

В комнате воцарилась атмосфера гармонии и радости.

Линь Яньхун и наставник Уцзюэ не рассказали Ли Цзинчэну о делах князя Юй, не желая, чтобы он в таком юном возрасте переживал из-за того, что не мог изменить.

Но они оба понимали, что однажды Ли Цзинчэну придётся взять всё на себя, как сейчас, когда каждый штрих он должен выводить сам.

Автор хочет сказать: Спасибо Мэнмэн Чжу Ю за подаренный «гром» поддержки! (*J 3 ㄥ)

<http://bllate.org/book/17693/1651321>